

D. Pitt. Tradition and economic progress in Samoa. A case study of the role of traditional social institutions in economic development in Western Samoa. Oxford, 1970, 306 p.

Рецензируемая книга состоит из введения, заключения и девяти глав: 1) Европейцы и экономическое развитие Западного Самоа; 2) Самоанские экономические ценности; 3) Производство натуральное и товарное; 4) Экономический аспект статуса; 5) Собственность; 6) Вожди и община; 7) Наемный труд жителей деревни в городе; 8) Создание капитала в деревне; 9) Торговые институты.

Прежде чем перейти к рассмотрению содержащихся в книге материалов о самоанских традиционных институтах и их роли в экономическом развитии, необходимо высказать несколько общих соображений.

В последние годы в зарубежной литературе оживленно обсуждается вопрос о том, в какой мере традиционные социальные институты развивающихся стран способствуют или препятствуют их экономическому прогрессу. Многие авторы утверждают, что экономическое развитие народов Азии, Африки и Океании возможно только при условии их отказа от своих социальных традиций. «Экономические советники и администраторы, — читаем мы, например, — согласны в том, что рост производства в неиндустриальном обществе возможен лишь при изменении мотивации индивидуального работника». Но этому препятствует, утверждают они, «„традиционное“ общество с его отсутствием побудительных мотивов»¹. Примерно такие же мысли высказывает В. Стейс, экономист Южнотихоокеанской комиссии (South Pacific Commission), о котором упоминает во введении автор рецензируемой книги. Стейс утверждает, что самоанцы в силу своих традиций не стремятся к накоплению богатств и вообще к предпринимательской деятельности. Развитию предпринимательского духа препятствует, по Стейсу, общинная (communal) природа самоанских социальных институтов (стр. 3). Так же, и по отношению не только к самоанцам, рассуждают многие другие экономисты, этнографы, социологи, психологи. 10 лет назад автор рецензируемой книги тоже придерживался этой концепции. «Традиционный образ жизни, — писал он, — ...представляет собой препятствие» на пути к росту производства и потребления².

Подобного рода концепция наталкивается, однако, на решительные возражения со стороны народов тех стран, которые добились политической независимости и не собираются отказываться от своей традиционной культуры. Именно так обстоит дело в молодом государстве Западного Самоа, граждане которого хотят сохранить свои обычаи, свой образ жизни (*фаасамое*).

«Самоа, — пишет Питт, — это, возможно, наиболее яркий, но не единственный пример современного государства, насыщенного традиционными чертами; традиционный образ жизни является важной силой во многих странах аграрной Афро-Азии» (стр. 267).

По отношению к таким странам идеологи неокolonialизма придерживаются ныне несколько иной тактики, примером чему может служить и рецензируемая книга. Автор ее вопреки тому, что он писал 10 лет назад, теперь утверждает, что самоанские социальные институты не препятствуют, а способствуют экономическому развитию, так как благодаря своей гибкости и пластичности они могут приспосабливаться к капиталистическим порядкам. Свои выводы он распространяет и на другие развивающиеся страны (стр. 9, 262). Правда ныне в понятие «отсталые (underdeveloped) страны» Питт вкладывает совершенно другое содержание. Отсталость стран третьего мира, утверждает он, это будто бы «химера», «условность экономистов» (стр. 266). Оказывается, «Самоа и, несомненно, многие другие афро-азиатские общества являются отсталыми только в относительном смысле» (стр. 264).

Питт утверждает, что можно мало производить и не быть отсталым, соответственно мало потреблять и все же быть счастливым. Его рассуждения заслуживают того, чтобы их процитировать: «Самоанец, например, имеет свое собственное представление о норме потребления, и в большинстве случаев он резонно удовлетворен своим жизненным уровнем и очень доволен своим образом жизни» (стр. 266). Далее Питт приводит слова самоанского вождя (не называя его имени): «Мы можем быть богатыми, — сказал один самоанский вождь, — но мы счастливы с фаасамое. Мы не завидуем богатому европейцу, едущему в кадиллаке. Его деньги доставляют ему только огорчения». И в заключение Питт заявляет: «Многие самоанцы считают, что они стали бы богаче, если бы вышли из рамок фаасамое, но немногие полагают, что они были бы при этом счастливее» (там же).

Начав на первых страницах своей книги разговор об экономическом прогрессе Западного Самоа, Питт на последних ее страницах вынужден признать, что это молодое государство, идя по капиталистическому пути, обречено на вечную отсталость.

¹ См. «Australian external territories», vol. 11, № 1, 1971, 42.

² D. Pitt, Some obstacles to economic development in Fiji and Island Polynesia, «Journal of the Polynesian Society», vol. 71, № 2, 1962, p. 116.

Питт ставит вопрос только в одной плоскости: что дает развивающимся странам капиталистический путь, который он почему-то считает для самоанцев единственно приемлемым. Нетрудно заметить крайнюю ограниченность в такой постановке вопроса. Имеется, как известно, более быстрый и менее болезненный путь развития, некапиталистический, по которому идут многие страны Азии, Африки, Латинской Америки.

В свое время, когда Западное Самоа только еще появилось как независимое государство, Питт предостерегал самоанцев от обращения за помощью к Советскому Союзу. «Конечно, Западное Самоа, ныне независимое,— писал он,— может обратиться свои взоры на Советский Союз, но это, несомненно, создаст новые проблемы, которые трудно будет решить»³. Какие именно встали бы проблемы, если бы Западное Самоа получило помощь от СССР, Питт не указывает.

Мне довелось в 1971 г. побывать в Западном Самоа, в том числе в деревне Афе-нга, расположенной рядом с деревней Малие, в которой Питт вел свои исследования в течение пяти месяцев в 1963—1964 гг. (кроме того, три месяца он провел в деревне Салани, на южном берегу острова Уполу, и в Апианцу, деревенском квартале города Апиа). Посетил я также деревню Летонго, присутствовал там на заседании совета вождей (*фоно*). Беседовал с вождями (*матаи*) большесемейных общин (*аинга*). У меня сложилось впечатление, что проблема выбора пути развития на Западном Самоа еще не решена окончательно. Поэтому позиция Питта, не признающего для Западного Самоа иного пути развития, кроме капиталистического, представляется мне тенденциозной.

Еще более тенденциозно отношение автора к социалистической экономике и к марксистско-ленинской теории. Ему не нравится, например, марксистская оценка колониального режима и неокOLONИализма, которую он излагает следующим образом: «Европейцы, особенно трэдэры,— это эксплуататоры; они брали из колоний все, что могли,— природное богатства, труд — для своей выгоды, или вкладывали капитал и заставляли местных жителей работать на себя; даже после предоставления независимости они обеспечивают себе политический контроль путем монополии инвестиций» (стр. 6). Все эти положения правильны и могут быть подтверждены многочисленными фактами, а также горькими признаниями зарубежных политических деятелей и ученых.

Этой правильной, негативной оценке колониализма и неокOLONИализма автор противопоставляет свою, апологетическую. «Европейские чиновники на Самоа, равно как и в других местах,— пишет он,— не соответствуют марксистско-ленинской модели капиталистического империалиста» (стр. 17). По его словам, трэдэры и консулы не были эксплуататорами (*misunderstood exploiters*), миссионеры косвенно приносили пользу (*unintentional benefactors*), колониальные власти тоже хотели приносить пользу, но не умели это делать (*benefits misplaced*). Весь колониальный период в истории Западного Самоа (1899—1961) автор характеризует как период «ограниченного альтруизма» со стороны колонизаторов (стр. 262). Между тем, как хорошо известно, это был период страданий самоанского народа и его борьбы против колониального гнета.

Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон, живший на Самоа в конце XIX в., писал, не будучи, как известно, марксистом, о «нействестве консулов», о спровоцированных колонизаторами кровопролитных войнах. Кстати, он часто посещал деревню Малие, где Питт вел свои исследования⁴. В 20—30-х годах XX в. самоанская организация Мау вела борьбу против колонизаторов под лозунгом «Самба для самоанцев». Участники этого движения подвергались жестокому репрессиям. Так, в 1929 г. колонизаторы расстреляли мирную демонстрацию самоанцев на улицах Апиа.

Новозеландский историк К. Кэмберленд делит 40-летний период управления Новой Зеландией Западным Самоа на две части: 20 лет борьбы самоанцев против попыток разрушить их общинное землевладение и последующие 20 лет полного невнимания новозеландской администрации к нуждам самоанцев⁵.

После второй мировой войны приобрела популярность идея общинного развития (*communal development*) в колониях. Администрация Западного Самоа с помощью ООН также пыталась использовать местные традиционные общинные институты в целях экономического прогресса. Но теперь, пишет автор, администрация приходит к выводу, что проекты общинного развития окончились неудачей. В связи с этим коммунизм был подвергнут критике: в традиционной общинной организации, утверждали критики, будто бы нет нужных для прогресса побудительных мотивов (стр. 142).

Теперь обратимся к фактам реальной жизни. Самоанцам в деревнях, пишет автор, ничего не объяснили, их мнение не выслушали. Помощи от администрации не было почти никакой. Многие самоанцы смотрели на общинные проекты как на все, что исходит от европейцев, т. е. как на еще одно средство эксплуатации (стр. 144).

Количество кооперативов, по официальным данным, сокращается. Но есть кооперативы, возникшие без содействия администрации, в которых дела идут хорошо (стр. 145). А главное, «во многих деревнях сохраняется большая тяга к общинному развитию, общинные планы часто играют очень полезную роль, даже после того, как администрация давно забыла и о деревне и о плане» (стр. 142). Автор упоминает далее о женских комитетах, созданных на общинной основе и обеспечивающих хорошее

³ D. Pitt, Указ. раб., стр. 116.

⁴ Ф. Стивенсон и Р. Л. Стивенсон, Жизнь на Самоа, М., 1969.

⁵ K. V. Cumberland, The future of Polynesia, «Journal of the Polynesian Society», vol. 71, № 1, 1962, p. 390.

санитарное состояние деревень, уход за больными, доставку их в больницу (в одной из деревень даже постройку больницы), а также изготовление ремесленных изделий для продажи на рынок в Апии. Таким образом, нетрудно видеть, что общинный принцип играет полезную роль в хозяйстве и в жизни вообще.

Было бы пустой тратой времени анализировать похвалы автора в адрес «идеального капитализма» и его выпады против коммунизма. Дело в том, что автор рисует капитализм совсем на него непохожим, а в коммунизме не разбирается совсем. К счастью, теоретические взгляды автора и факты самоанской жизни в книге не смешиваются, настолько эти взгляды далеки от самоанской и всякой другой реальности. Например, он приписывает капитализму гарантию таких прав, как право на труд, на землю, на справедливую заработную плату (стр. 68).

Книга Питта представляет собой яркий пример того, как в современной буржуазной науке сочетаются ошибочные выводы с тщательно собранным в поле и архивах большим фактическим материалом. Автор помимо полевых исследований в Малие, Салани и Апиану много времени работал в архивах Апии и Новой Зеландии, изучая документы и письма консулов, трэдеров, администраторов, и в архивах религиозных миссий в Западной Европе. В книге содержится богатый фактический материал об экономической жизни самоанских деревень. Читатель при критическом подходе может почерпнуть много ценных сведений о формах и видах собственности на землю, о собственности на орудия труда, утварь, украшения, о натуральном и товарном хозяйстве в деревне, о роли вождей в хозяйственной жизни (при этом автор, однако, сильно идеализирует этих вождей, утверждая, например, будто они «подавлены своими обязанностями» (стр. 199), о роли общины, о деятельности кооперативов. Примечательны факты, говорящие о том, что самоанцы, пытающиеся вести хозяйство индивидуально, независимо от общины, обычно терпят неудачу (стр. 148—153).

Прежде всего важно отметить, что многие предметы индустриальной культуры перестали быть для самоанца предметами роскоши, *меа силл*, теперь они входят в другую категорию, *меа татау* (то, что жизненно необходимо). Лодки, лопаты, ножи, топоры, домашняя утварь, лампы, одежда, мука, мыло, спички, консервы, соль, сахар — все это *меа татау*. Более того, некоторые покупные предметы подчеркивают специфику самоанца и отличают его от европейца — *лава-лава*, маленькая квадратная кожаная папка, гонконгский зонтик. Но главное, что отличает самоанца от европейца, — это его стремление жить в традиционных домах без стен (закрытые дома вызывают простудные заболевания), устилать пол циновками (линолеум от жары становится липким), плести корзины (пластиковые сумки быстро рвутся, металлические части ржавеют). Традиционная культура выросла в местных условиях, и многие ее элементы не нуждаются в замене.

Вопреки колонизаторским утверждениям о «лени» самоанцев, самоанец трудолюбив. Если мужчина на огороде потратит час на еду и сон, его считают лентяем. Работа мужчин по дому считается отдыхом. Женщина ловит рыбу в лагуне — это *галуенга* (труд); если же она плетет дома циновку или корзину — это *панганго* (отдых).

Самоанец хочет получить образование сам и дать его детям. В школах второй ступени большие конкурсы. Поступить в такую школу трудно, потому что в начальных школах нет хороших программ, учителей, учебных пособий, посещаемость низкая. Поступление в школу второй ступени отмечается в аинге праздником, таким же, как рождение первого ребенка. Поступление в учительский колледж в Апии или в медицинскую школу в Суве празднуется всей деревней (стр. 218).

Стремление самоанцев к экономическому и культурному прогрессу настолько велико, что преобразует их традиционные институты. Теперь общинным вождем (*матаи*) практически может стать каждый, и решающую роль при этом играет не родство, а успех в хозяйстве, полученное образование. Многие учителя, пасторы, врачи возведены в ранг вождей.

Много самоанцев работает в Апии, но условия труда там плохие, зарплата «очень низкая» (стр. 54). Многие самоанцы производят копру, но получают за нее от скупщиков только 25% рыночной цены, а за какао — лишь 10% (стр. 59). Вот как обеспечивается на деле право на труд и на справедливую оплату труда в условиях капитализма.

В деревнях процветает ростовщичество. Банк обычно не выдает кредиты самоанцам, считая их «некредитоспособными». Европейцы получают кредит из 6%, а самоанцев ссужают деньгами из 80% и выше (стр. 211).

Но народ Западного Самоа добьется успеха в борьбе за социально-экономический прогресс и подлинную независимость. И немалую роль сыграют в этом общинные традиции, связанные с *фаасамой*.

Н. А. Бутинов